

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 52–76
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(1):52–76

Обзорная статья
УДК 340.1
EDN RCPAYF

Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы»: источниковедческий потенциал и методологическое значение (обзорно-аналитическое исследование)

Джамбулат Хамидович Сайдумов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
bulatto@mail.ru, SPIN-код: 9255-2325, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Аннотация

Введение. Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы» (М.: Наука, 2016) рассматривается в статье как фундаментальный источниковедческий комплекс для изучения эволюции адатского права народов Северного Кавказа в условиях смены государственно-правовых режимов.

Цель исследования – выявление методологического и эмпирического потенциала работы А. А. Плиева и её переоценка с позиций современной юридической антропологии и историко-правовой науки.

Методологическую основу составили диахронический, историко-правовой, сравнительно-этнографический и статистико-правовой методы.

Научная новизна статьи заключается в том, что автор впервые осуществил комплексный количественно-правовой анализ статистического блока монографии А. А. Плиева, представленного в таблицах: таблица 1 – «Количество дел, возбужденных в советских судах», таблица 2 – «Количество преступлений за 1958–1965 гг.», таблица 3 – «Анализ дел Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, 1958–1965 гг.». В настоящем исследовании они интерпретированы как единый статистико-институциональный массив, отражающий трансформацию механизмов правового регулирования. Автору удалось: – выявить скрытый институциональный перелом в структуре инициирования уголовных дел в конце 1920-х гг.; – количественно определить реальный удельный вес кровной мести в системе насильственной преступности Чечено-Ингушской АССР; – реконструировать устойчивую модель уголовно-правового реагирования на акты кровной мести в практике Верховного суда автономии; – показать переход от общественно-резонансной модели правоприменения к централизованной прокурорско-партийной системе контроля.

Результаты и выводы. Монография демонстрирует глубокий анализ адата под влиянием российского имперского (царского), послереволюционного и советского права, сохраняя преемственность норм кровной мести, примирения и брачных институтов. Ценный синтез архивных документов и полевых наблюдений делает её актуальной для современной правовой антропологии Кавказа, особенно в постсоветском контексте. Работа служит эталоном для междисциплинарных исследований этноправовых традиций. Доказано, что статистический материал монографии А. А. Плиева обладает самостоятельной эвристической ценностью

и фиксирует не линейное вытеснение адата государственным правом, а сложную модель нормативного дуализма и управляемой правовой трансформации. Установлено, что к середине 1960-х гг. происходит институциональное закрепление государственной монополии на санкции при частичном сохранении медиативных функций традиционного права. Сделан вывод о том, что проведённый автором статьи углублённый анализ трёх ключевых таблиц существенно расширяет интерпретационный потенциал монографии А. А. Плиева и позволяет рассматривать её не только как этнографическое исследование, но и как количественно верифицируемый источник по истории правовой модернизации Северного Кавказа. Это придаёт работе новое методологическое звучание и укрепляет её значение для современной юридической антропологии и историко-правовой науки.

Ключевые слова: правовая культура, адат, чеченцы, ингуши, трансформация традиционного права, кровная месть, примирение, полевые наблюдения, архивные источники, правовая антропология, Северный Кавказ, постсоветская этнография

Для цитирования: Сайдумов Д. Х. Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы»: источниковедческий потенциал и методологическое значение (обзорно-аналитическое исследование) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 52–76. EDN RCPAYF

Review article

A. A. Pliev's monograph "Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880–1970": source-study potential and methodological significance (review and analytical study)

Dzhambulat Kh. Saidumov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
bulatto@mail.ru, SPIN-code: 9255-2325, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Abstract

Introduction. A. A. Pliev's monograph *Some Aspects of the Legal Culture of Chechens and Ingush: 1880–1970* (Moscow: Nauka, 2016) is examined in the article as a fundamental source-study complex for investigating the evolution of adat law of the peoples of the North Caucasus under changing state-legal regimes.

The purpose of the study is to identify the methodological and empirical potential of A. A. Pliev's work and to reassess it from the standpoint of modern legal anthropology and historical-legal scholarship.

The methodological framework is based on diachronic, historical-legal, comparative-ethnographic, and statistical-legal methods. The scientific novelty of the article lies in the fact that the author has for the first time carried out a comprehensive quantitative-legal analysis of the statistical block of A. A. Pliev's monograph presented in the following tables: Table 1 – "Number of Cases Initiated in Soviet Courts," Table 2 – "Number of Crimes in 1958–1965," Table 3 – "Analysis of Cases of the Supreme Court of the Chechen-Ingush ASSR, 1958–1965." In the present study, they are interpreted as a unified statistical-institutional array reflecting the transformation of legal regulation mechanisms. The author succeeded in: – identifying a latent institutional shift in the structure of initiation of criminal cases in the late 1920s; – quantitatively determining the actual share of blood feud within the system of violent crime of the Chechen-Ingush ASSR; – reconstructing a stable model of criminal-law response to acts of blood feud in the practice of the Supreme Court of the autonomy; – demonstrating the transition from a socially resonant model of law enforcement to a centralized prosecutorial-party system of control.

Results and conclusions. The monograph demonstrates an in-depth analysis of adat under the influence of Russian imperial (tsarist), post-revolutionary, and Soviet law, while preserving the continuity of the norms of blood feud, reconciliation, and marriage institutions. A valuable synthesis of archival documents and field observations makes it relevant for contemporary legal anthropology of the Caucasus, especially in the post-Soviet context. The work serves as a benchmark for interdisciplinary studies of ethno-legal traditions. It is proved that the statistical material of A. A. Pliev's monograph has independent heuristic

value and records not a linear displacement of adat by state law, but a complex model of normative dualism and managed legal transformation. It is established that by the mid-1960s the institutional consolidation of the state monopoly on sanctions took place while partially preserving the mediatory functions of traditional law. It is concluded that the in-depth analysis of the three key tables carried out by the author of the article significantly expands the interpretative potential of A. A. Pliev's monograph and makes it possible to consider it not only as an ethnographic study but also as a quantitatively verifiable source on the history of legal modernization of the North Caucasus. This gives the work new methodological significance and strengthens its importance for modern legal anthropology and historical-legal science.

Keywords: legal culture, adat, Chechens, Ingush, transformation of traditional law, blood feud, reconciliation, field observations, archival sources, legal anthropology, North Caucasus, post-Soviet ethnography

For citation: Saidumov D.Kh. A.A. Pliev's monograph "Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880–1970": source-study potential and methodological significance (review and analytical study). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):52–76. (In Russ.). EDN RCPAYF

Введение

В контексте современной юридической науки особое значение приобретает изучение традиционных правовых систем народов России, особенно в полиэтничных регионах Северного Кавказа. Правовая культура чеченцев и ингушей (представителей одной нахской языковой группы) как синтез адатных норм, исламских предписаний и влияния государственного права представляет уникальный объект для анализа преемственности и трансформаций. Монография А. А. Плиева (2016) стала ключевым источником реконструкции этих процессов за период 1880–1970 гг., охватывающий российский имперский (царский), начальный революционный советский, советский и постдепортационный советский этапы. Предисловие И. Л. Бабич [1, с. 3–7] и введение [1, с. 8–9] служат прологом, подчёркивая биографический контекст Плиева как пионера юридической антропологии, что усиливает культурно-исторический и научно-просветительский резонанс работы. Введение формулирует цель выявления динамики ключевых институтов в исторической перспективе [1, с. 8].

Актуальность темы обусловлена необходимостью сохранения этноправового наследия в условиях глобализации и этнополитических вызовов. Новизна статьи – в позиционировании работы Плиева как методологического эталона с акцентом на глубину анализа трансформации традиционного права и ценность синтеза источников.

Цель исследования – выявление методологического и эмпирического потенциала работы А. А. Плиева и её переоценка с позиций современной юридической антропологии и историко-правовой науки.

Теоретические основы

Методологическая конструкция монографии А. А. Плиева [1] представляет собой тщательно выверенный междисциплинарный синтез историко-правового, этнографического и источниковедческого подходов, обеспечивающий диахроническую реконструкцию эволюции адатского права чеченцев и ингушей на протяжении 1880–1970 гг. – от позднеимперского этапа до постдепортационного восстановления в условиях советской правовой аккультурации. Предисловие и введение конкретизируют задачи по показу изменений традиций под реформами, особенностям адата в периодах и механизмам правотворчества [1, с. 8] с глубинным акцентом на правовой плюрализм (сосуществование адата, шариата и государственного права).

Центральным достоинством исследования выступает глубокий анализ трансформации традиционного права в контексте советской и постсоветской этнографии: автор эксплицитно демонстрирует механизмы адаптации ключевых институтов (кровная месть как инструмент социального контроля, маслалат (*примирение, чеч.*) как примирительный результат деятельности старейшин вкпе с требованиями социалистической законности

(советский период) при сохранении фундаментальной преемственности традиционных норм. В частности, фиксируется переход от классической кровной мести к примирительным комиссиям 1920–1930-х гг. и их латентному возрождению в постдепортационный период [1, с. 100–122; с. 74–94]. Особую ценность придаёт работе синтез архивных документов (материалы Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР, судебные дела Верховного Суда ЧИАССР, а также полевые наблюдения – многочисленные интервью, собранные А. А. Плиевым в 1960–1980-е гг., фиксирующие устные правовые традиции, утраченные в результате депортации 1944 г. и последующих событий 1990-х гг. Предисловие подчёркивает пионерство в юридической антропологии через изучение уголовных дел как этнографических источников [1, с. 4]. В предисловии монографии звучит справедливая критика современных исследователей-юристов (равно как и их предшественников) за отсутствие в их работах такого широкого объема полевых методов, какие удалось задействовать А. А. Плиеву.

Как подчёркивает И. Л. Бабич, вклад автора монографии заключается в том, что он был одним из первых советских исследователей правовых особенностей жизни горцев, который скрупулёзно исследовал институт кровной мести у чеченцев и ингушей в 1960–1980-е гг. и собрал уникальные архивные материалы, которые были утрачены в ходе военных действий в Чечне в 1990-е гг. [1, с. 5, 7]. Эти источники, включая полевые материалы А. А. Плиева (ПМАП, 1965–1973 гг.), подвергнуты герменевтической верификации через компаративный анализ с последующими исследованиями соавторов, в том числе анализом гендерных аспектов брачно-правовой культуры, где женщина предстаёт как объект и субъект в традиционных институтах (включая редкие случаи женской мести) в начале XX века в регионе исследования [1, с. 32–33].

Методологическая строгость, сочетающая эмпирическую базу с теоретической интерпретацией, обуславливает непреходящую актуальность монографии для правовой антропологии Кавказа, где полевые данные Плиева продолжают служить фундаментом для осмысления этнополитических процессов. Введение подчёркивает новизну исследования: до 1960-х гг. адат изучался фрагментарно (Далгат, Ахриев) [1, с. 8], что делает акцент на первичных источниках (архивы + полевые опросы старейшин, родившихся в XIX в.) эталонным для юридической антропологии с биографическим контекстом Плиева как первого среди этнографов, начавшего реализовывать юридическую антропологию (по И. Л. Бабич), лектора общества «Знание», а также ведущего преподавательскую деятельность по адату/советскому праву на базе ЧИГУ им. Л. Н. Толстого [1, с. 7]. Анализ института кровной мести в книге иллюстрирует эту методологию: диахронический разбор от корней в доисламском/исламском обществе до трансформации под царским, советским давлением, с использованием утраченных архивов для реконструкции норм [1, с. 63–64].

Глубокий анализ трансформации традиционного права раскрывает сложную диалектику конфликта и адаптации адатских норм: от антагонистического взаимодействия с имперским законодательством (где адат преимущественно регулировал дела против личности, а шариат – семейно-наследственные отношения) к частичной инкорпорации в советскую правовую систему посредством примирительных комиссий, формального запрета кровной мести с сохранением компенсационных механизмов (выкуп за кровь) и латентного возрождения традиций в постдепортационный период [1, с. 63–64, 100–122]. В постсоветском контексте эти выводы приобретают особую значимость для понимания процессов ретрадиционализации.

Примером актуальности является упомянутая в монографии конференция 2013 г., на которой обсуждалось закрепление штрафных санкций за похищение невест [1, с. 6]. Синтез архивных и полевых материалов обеспечивает исключительную достоверность реконструкции: полевые наблюдения 1960–1980-х гг. фиксируют «живые» нормы, утраченные впоследствии в 1990-е гг., в то время как архивные источники (например, осетино-ингушские судебные дела 1907–1909 гг. с штрафами до 600 руб.) [1, с. 63–64] позволяют провести

историческую верификацию. В итоге монография А. А. Плиева сохраняет значение фундаментального эталона источниковедения и методологии в кавказоведении, обеспечив сохранение знаний о преемственности правовых традиций чеченцев и ингушей в условиях государственной аккультурации.

Большой интерес представляет список информаторов [1, с. 153–155] монографии А. А. Плиева, включающий 66 человек, опрошенных в 1960–1970-е гг. в основном в сельских районах Чечено-Ингушской АССР. Это преимущественно пожилые мужчины (64 года и 66 лет), родившиеся в 1857–1916 гг., что обеспечивает ценный ретроспективный материал по правовым традициям 1880–1970-х годов. Территориальное распределение: Чечня (плоскостные и горные районы, включая: Грозный, Ведено, Итум-Кале и др.) – 29 человек (43,9 %); Ингушетия (включая Назрановский, Джейрахский, Малгобекский районы, Пригородный район – 35 человек (53,0 %); другие регионы Северного Кавказа – 2 человека (3,0 %) – г. Владикавказ (Северная Осетия) и Новосельский район (Дагестан, ныне территория Кизлярского района Республики Дагестан).

Библиографический список анализируемой монографии А. А. Плиева [1, с. 143–147] представляет собой тщательно структурированный каталог источников, насчитывающий около 100 позиций, организованных в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Этот аппарат подчеркивает междисциплинарный характер исследования, объединяя этнографические, исторические, юридические и антропологические материалы, и служит фундаментальной основой для реконструкции эволюции адатных норм чеченцев и ингушей в контексте имперского, советского и постсоветского периодов.

Среди сильных сторон библиографии выделяется ее хронологическая глубина: от классических дореволюционных трудов (например, Ахриев, Берже, Далгат, Ковалевский, Леонтович) до современных публикаций (Бабич, Албогачиева). Это позволяет проследить преемственность научной традиции в кавказоведении с акцентом на первичные источники – сборники сведений о Кавказе (ССКГ, СМОМПК), архивные протоколы (съезды Советов 1925–1926) и уголовные кодексы РСФСР (1922–1926).

Особо ценен вклад самого А. А. Плиева (его статьи 1971–2005), демонстрирующий авторефлексию и интеграцию личного полевого опыта, а также критическое осмысление юридических диссертаций (где подчеркивается их ограниченность в полевом сборе данных по сравнению с этнографическим подходом). Вместе с тем, список выявляет определенные пробелы: доминирование русскоязычных источников (почти 100 %) ограничивает международный контекст, игнорируя западные работы по юридической антропологии. Например, можно было бы контекстно сослаться на классические труды выдающегося британского антрополога Макса Глакмана (M. Gluckman), чьи работы оказали влияние на юридическую антропологию и концепцию правового плюрализма, или Салли Фолк Мур (S.F. Moore) – американского антрополога и юриста, профессора Гарвардского университета, одну из ключевых фигур юридической антропологии. Её исследования посвящены как раз соотношению обычного и государственного права, нормативным системам по правовому плюрализму. Кроме того, минимальное включение чеченских и ингушских фольклорных или устных традиций в монографию могло бы усилить и обогатить культурный слой исследования.

В целом библиография Плиева не только подтверждает пионерский статус автора в этнографическом изучении обычного права чеченцев и ингушей, но и закладывает основу для будущих исследований, интегрируя историческую реконструкцию с современными подходами к правовому плюрализму. На фоне утраты чеченских архивов в 1990-е гг. этот список приобретает статус бесценного репозитория, способствуя сохранению и развитию кавказоведения в постсоветском пространстве.

Фрагментарный разбор содержания монографии

Глава первая монографии («Правовая культура чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX века», с. 10-73) начинается с фундаментального введения в понятийный аппарат. Автор даёт общее определение правовой культуры как системы норм адата, регулирующих социальные конфликты (убийство, оскорбление, похищение), в контексте родового строя конца XIX – начала XX в. Упоминается эволюция от архаичных форм (коллективная ответственность) к индивидуализированным механизмам под влиянием российского права и исламского шариата. Здесь вводится ссылка на классиков (Далгат, Ахриев) и подчёркивается необходимость реконструкции на основе полевых данных.

«Терминология» А. А. Плиева систематизирует лексику (одинаково понятную чеченцам и ингушам), связанную с кровной мстью (кровной враждой), опираясь на полевые интервью 1960–1970-х гг. Чеченский вариант (преимущественно в чеченских районах): чIир (чIир) – термин, обозначающий именно состояние кровной вражды/мести (более узкий и конкретный). Общие термины: моастагIалла (вражда, ненависть); куьг бIеха дар («рука в крови» – метафора убийцы); пхьа (кровь как цена/выкуп); хьелам (плата/компенсация, чаще ингушский); там/тоам (примирение, умиротворение). Ингушский вариант: (преобладающий в горных и плоскостных районах Ингушетии): дов (дов) – наиболее общее и частое обозначение ссоры, вражды, кровной мести как института в целом. Автор отмечает региональные и диалектные вариации, но подчёркивает их семантическую близость и взаимопонимание между чеченцами и ингушами. Теоретическая рамка: марксистский подход (Энгельс) используется для объяснения эволюции от родового к классовому обществу, но без чрезмерного идеологического давления – акцент на эмпирические данные. Раздел строится на эмпирических данных (полевые интервью 1960–1970-е гг. XX столетия, архивные материалы и литературные источники), продолжая терминологический анализ предыдущих страниц (с. 10–12). Плиев использует историческую реконструкцию для иллюстрации эволюции традиций под влиянием российского имперского права и социально-экономических факторов.

А. А. Плиев классифицирует правонарушения в северокавказском контексте как «причинение ущерба» без деления на гражданские/уголовные (типично для предклассового общества). Основные причины: имущественные преступления (воровство, грабёж), против личности (оскорбление, убийство, похищение) и против порядка управления.

Автор подчёркивает экономико-социальную основу большинства случаев, ссылаясь на отчет Комиссии Владикавказской городской думы (1906), где вражда связана с колониальным угнетением (классификация царского периода советской историографией), приводящим к мятежам в Чечне 1898 г., Осетии 1902/1905 г., Ингушетии 1906 г. Детализация ритуалов (обхождение очага невестой как символ прочности брака) и механизмы защиты (убийца, схватившийся за цепь, получает прощение; формула «я твой и Божий»). Цитаты из Н. Харузина, Д. Гатуева и справедливая критика Б.А. Калоева за недооценку очага у чеченцев. Профессионально сделан фокус на общественной насмешке (тIехтохам) как психологической причине мести у чеченцев и ингушей – страх упрека общества (формула «как я буду находиться в обществе?»). Насмешка как механизм и запусковой тумблер действий. Пример в монографии: насмешка женщины над парнем (сравнение с собакой) провоцирует убийство. Другие оскорбления (проход по пахоте трактуется как оскорбление) приводят к эскалации. Автор связывает устойчивость мести с родоплеменными пережитками, но подчёркивает социальный контроль.

В работе можно отметить явные исследовательские инновации, характерные как XX столетию и не теряющие веса в настоящем времени, что характеризует его сильные исследовательские стороны. Как пионер юридической антропологии в ЧИАССР (1960-е гг.), А. А. Плиев вводит анализ «культурных символов» (очаг как медиатор), показывая плюрализм

норм (адат + шариат + позитивное право). Подробное описание культа очага (с. 14) вносит вклад в этнолингвистику и символику. Примеры иллюстрируют гендерные нюансы и социальный контроль. Яркие этнографические кейсы (по населенным пунктам Зандак и Бельты, Валерик (Чечня), Сурхахи (Ингушетия) демонстрируют, как в адате чеченцев и ингушей материальный ущерб служит триггером для активации норм чести и коллективной ответственности. Описание отягчающих обстоятельств в рамках адата (обычного права) чеченцев и ингушей, где надругательство над трупом убитого квалифицируется как особо тяжкое оскорбление, влекущее суровое наказание. С юридической точки зрения, это иллюстрирует специфику квалификации преступлений в традиционной правовой системе, где отягчающие обстоятельства усиливают ответственность и определяют меру возмездия. Объект преступления: труп убитого как символ чести семьи и тайпа/тейпа. Надругательство – это не только физическое действие, но и моральное унижение, затрагивающее коллективную честь (аналогично ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»). Субъективная сторона: умысел на унижение (оскорбление семьи/тайпа/тейпа), что отягчает первичное убийство. Это усиливает мотив мести, превращая индивидуальный акт в межродовой конфликт. Объективная сторона: конкретные формы – снятие одежды/оружия («цџет даккхар» в ингушском варианте), дополнительный выстрел или повреждение трупа. Эти действия квалифицируются как самостоятельное «тяжкое преступление», отягчающее основное. Последствия: обязательное «самое суровое наказание» (в адате – кровная месть или усиленная компенсация, без срока давности).

В правовой культуре чеченцев и ингушей (по А. А. Плиеву, с. 19) доносчик воспринимался как тяжкий предатель, нарушающий принцип внутренней автономии адата и солидарности тайпа/тейпа. Донос квалифицировался как преступление против чести рода, влекущее изгнание или кровную месть, что служило механизмом защиты традиционного правового порядка от внешнего вмешательства (государственного права). Это классический пример правового плюрализма и сопротивления контролю в юридической антропологии Кавказа.

А. А. Плиев, определяя субъекты кровной мести (кровной вражды) в адате чеченцев и ингушей конца XIX – середины XX в., реконструирует круг лиц, имеющих право и обязанность мстить, на основе полевых этнографических материалов 1960–1970-х гг. и архивных данных. Это классический пример юридической антропологии: анализ субъектов раскрывает структуру родовой ответственности, сегментарность общества и механизмы поддержания социального порядка. Субъектами кровной мести (организаторами, исполнителями и главными ответственными) у чеченцев и ингушей являлись ближайшие родственники по отцовской линии одной фамилии/некъе: отец, родные и двоюродные дяди, родные и двоюродные братья, сыновья, родные и двоюродные племянники, внуки. Это патрилинейный принцип: месть – дело мужской линии рода, передающееся по вертикали и горизонтали в пределах 3–4 поколений.

Применительно к ингушам, автор указал более расширенный круг: участие в мести могли принимать близкие родственники по материнской линии (родные племянники по матери и их сыновья, двоюродные братья по матери – шучий). Чеченцы – патрилинейная система: дядя по материнской линии (и соответственно племянники по матери) вне кровной мести. Месть ограничивается исключительно отцовской линией без включения материнских родственников. Представлен фольклорный материал – чеченская песня, где обозначена обязанность – мстить убийце, возложенная на брата. Объекты кровной мести: автор определяет объект не только индивидуальной виной, но и коллективной ответственностью в сегментарной структуре чеченского и ингушского общества. Объект мести – убийца (первичный объект) и его ближайшие родственники по отцовской линии (в пределах одной фамилии/некъе: отец, братья, дяди, сыновья, племянники по отцу). Это классический принцип субститутивной ответственности (vicarious liability в юридической антропологии): месть может быть перенесена на любого члена рода убийцы, если первичный

виновный недоступен. Исключения и ограничения: месть не распространяется на женщин, детей, стариков (за редкими исключениями в особо тяжких случаях), а также на дальних родственников по материнской линии. Объект – всегда мужчина боепригодного возраста, способный нести оружие и слово – ответственность за честь рода. Символическая и гендерная асимметрия: объект всегда мужчина – носитель чести и оружия. Женщины исключены как объект (но могут быть субъектами в редких случаях), что отражает патриархальность и гендерный порядок адата. Месть формально не имеет возрастных ограничений, но на практике это обстоит иначе.

Автор приводит в качестве примера чеченскую пословицу «воккханиг ве ца велла, цхъа бер дийна цар», что переводится как «не хватило мужества убить взрослого – убил ребёнка», подчёркивая отсутствие *mens rea* (вины) у ребёнка/старика и отсутствие *virtus* (мужества) у мстителя отомстить виновному или более сильному из его круга, подчёркивая необходимость наличия и высокого почитания среди чеченцев этикета (культуры) мести. Это отношение отражает сегментарную структуру общества (*segmentary opposition*), где месть – инструмент социального контроля, но с *mitigatio* (смягчением) для *non-combatants* (небоепригодных) более уязвимых представителей. В отличие от строгой *reciprocitas* (взаимности) в кровной вражде, убийство ребёнка/старика воспринималось как *violatio morum* (нарушение обычаев), что могло привести к *ostracismus* (изгнанию) мстителя (лишение Родины, величайшая тягость для чеченца и ингуша) или усилению *compensationis* (компенсации). Формально дозволенное, но этически запрещённый акт (*ex lege permissum, sed moribus prohibendum*), где осуждение подчёркивало гуманные пределы *lex talionis*. Здесь проявляется баланс между возмездием и защитой *vulnerabiles*.

Правила поведения кровников по А. А. Плиеву представляют собой систематизированное описание норм адата (*consuetudo* – обычного права) чеченцев и ингушей, регулирующих поведение субъектов и объектов кровной мести (*vendetta sanguinis*). Автор применяет метод исторической реконструкции (*reconstructio historica*), опираясь на полевые этнографические данные (*datum empiricum*) и архивные источники, чтобы раскрыть этикет (*etiquette*) вражды как механизм поддержания социального равновесия (*aequilibrium sociale*).

Правила построены иерархически: от временных амнистий (*amnistia temporanea*) к этикету примирения (*etiquette reconciliationis*) с акцентом на пропорциональность (*proportionalitas*) и гуманность (*humanitas*). Право одного дня (с. 25–26): Если кровник (*vindicator*) обращался к обидчику с просьбой «ден моаршал далахъ сона» (дай мне свободу на день), снимая оружие (*depositio armorum*), то потерпевший (становящийся охотником-мстителем) обязан (*obligatio stricta*) предоставить отсрочку мести (*moratorium vendettae*), даже зная о возможной потере шанса. Безоружный, в период всеобщего вооружения мужчин, всегда не является целью. Это правило – форма *temporis suspensionis* (приостановки времени), аналогичная *treuga Dei* (божественному перемирию) в средневековом праве, предотвращающая эскалацию в публичных местах (*locus publicus*). Пример: в сел. Гамурзи-ево (Ингушетия) кровник использовал это *jus*, чтобы избежать мести во время наводнения, демонстрируя приоритет *humanitas* над *strictum jus* (строгим правом). Нарушение влекло бы бесчестье для потерпевшего (охотника-мстителя). Право прощения через этикет смиренности с судьбой (с. 26): Если виновный (*reus*) первым произносил – пусть моя кровь пойдёт тебе впрок, сдаваясь без сопротивления (*submissio absoluta*), то мститель мог отказаться от акта (*abstinentia ab actu*), признавая отсутствие необходимости в убийстве. Это отражает принцип *volenti non fit injuria* (согласному не чинится несправедливость), где покорность смягчает вину, превращая месть в акт милосердия (*clementia*). Право спины (*Jus Dorsum*) (с. 26): Если виновный поворачивался спиной (*conversio dorsi*) к мстителю, это символизировало отказ от защиты (*renuntiatio defensionis*), обязывая последнего воздержаться от убийства (*prohibitio homicidii*). Правило подчёркивает этикет чести (*honoris etiquette*), где удар в спину – *actus ignominiosus* (бесчестный акт), нарушающий *virilitas*

(мужественность) и вызывающий *censuram societatis* (общественное осуждение). Покровительство женщины (с. 27): Если женщина брала кровника под своё покровительство (*protectio feminea*), то месть приостанавливалась, признавая гендерный иммунитет. Это *jus* – форма убежища, где женщина как *mater familiae* (мать семьи) воплощает благочестие, смягчая суровость права. Этикет после примирения (с. 27): После примирения (*reconciliatio*) виновный должен соблюдать строгий этикет (*strictum etiquette*) – избегать встреч до мира, а после – оказывать максимум внимания потерпевшему. Нарушение – *casus belli* (повод для войны), эскалирующий в новое преступление; соблюдение и уважение, напротив, может способствовать урегулированию. Пример: в 1878–1880 гг. чеченец в Турции соблюдал этикет виновной стороны, даже вдали от родины демонстрируя вечный долг чести.

На стр. 27–28 автор приводит литературный пример из поэмы А. С. Пушкина «Тазит» (1829–1830), где конфликт отца и сына раскрывает психологический аспект: отказ от мести как акт *clementia*, но осуждаемый за неисполнение долга. Это подчёркивает переход от архаичной суровости к более гуманным нормам под влиянием шариата и российского права. Далее (с. 28): «Гостеприимство и кровная месть» как смежный институт, где обида гостя (*injuria hospitis*) требует особой мести (*vendetta specialis*), усиливая пропорциональность. Раздел представляет стройную систему норм, где правила поведения кровников – это *codex non scriptus* (неписанный кодекс), балансирующий через возмездие с гуманностью.

Вера в силу присяги у чеченцев и ингушей (по А. А. Плиеву, с. 32) представляла собой глубоко сакральный и магически-религиозный институт, где клятва воспринималась как прямое обращение к Аллаху (Всевышнему). Позднее, в силу временных и идеологических трансформаций, возможным стало при клятвах упомянуть и советскую власть.

Раздел «Женщина и кровная месть» – это один из центральных элементов главы первой, где Плиев, опираясь на полевые и архивные данные, реконструирует гендерную роль в адате чеченцев и ингушей, показывая женщину как пассивный объект и активного медиатора в системе *vendetta sanguinis* (кровной мести). С позиции юридической антропологии это демонстрирует правовой плюрализм, где женская позиция – *liminal status* (пограничный статус) – обеспечивает баланс между патриархальным порядком и функциональным равновесием общества, адаптируясь к шариату, российскому праву и традициям.

Подчёркивание предания старика чеченца Заура и статьи С. Фарфоровского «Чеченские этюды» (о почете женщины) усиливает эмпиризм Плиева, делая текст ценным для изучения *gendered pluralism* в традиционных обществах.

Раздел «Похищение девушек и женщин» (с. 37–42) в монографии А. А. Плиева представляет собой реконструкцию одного из ключевых институтов чеченского и ингушского адата (обычного права) – похищения невест и похищения женщин как формы нарушения правовой культуры. С позиции юридической антропологии это классический пример правового плюрализма, где институт похищения функционирует как гибридная норма, частично регулируемая адатом (социальный контроль, компенсация), частично шариатом (запрет на принуждение) и частично государственным правом (криминализация в имперский и советский периоды). Похищение здесь – не просто преступление, а ритуализированная практика брачного союза, где девушка – объект чести рода, а её похищение – вызов патриархальному порядку, требующий примирения (*reconciliatio*) через выкуп или компенсацию. Плиев показывает, что похищение и месть – ритуализированные конфликты, разрешаемые через компенсацию, общественное мнение и переселение. В юридической антропологии это плюралистический подход: традиции балансируют, где честь и выживание, адаптируясь без потери семантики к внешнему давлению (российское право).

Плиев подчёркивает эволюцию норм, делая текст ценным для изучения гендерных (похищение как брачная стратегия) и социальных аспектов обычного права чеченцев и ингушей. Ссылаясь на полевой материал из чеченского высокогорья (Хильди-Харой, информатор Я. Яскиев 1876 г.р.), приводится пример из жизни горных чеченцев конца XIX в.:

А.Д. просватал девушку, но она добровольно вышла за другого (Ч.Д.); старейшины (кхел) вынесли решение о компенсации (там) – 50 коров и конь; компенсация была выплачена, но А.Д. через год попытался убить Ч.Д., за что был арестован и осуждён российским судом на каторгу.

Разбор примеров следует смотреть как в самостоятельных трудах И.Л. Бабич, М.С.-Г. Албогачиевой, так и в их совместных работах с А.А. Плиевым. Автор подчёркивает (на примере, приведенном выше), что адатская компенсация не всегда предотвращает будущую месть.

Приведенный пример иллюстрирует правовой плюрализм как сосуществование параллельных нормативных систем: адат (обычное право) регулирует конфликт через коллективную ответственность (тайповая солидарность) и компенсацию (там – выкуп морального ущерба, аналогичный дияту в шариате), позволяя примирительный механизм, но не исключая эскалацию в кровную месть (vendetta), которая остаётся императивным правом для восстановления баланса чести. Государственное право (российское имперское) вмешивается как внешняя санкция (criminal jurisdiction), криминализируя акт (попытка убийства как *homicidium attemptatum*), что демонстрирует коллизию норм: адатный выкуп (*restitutio honoris*) не имеет преюдициального эффекта (*res judicata*) для предотвращения мести, подчёркивая автономию традиционного права от формального (*state law*). Гендерный аспект усиливает анализ: девушка – объект спора, её выбор провоцирует нарушение брачного контракта, но разрешение фокусируется на мужских ролях (мститель, похититель), отражая патриархальный характер адата.

Далее приводится система взыскания в количественном эквиваленте с опорой на другой полевой источник из чеченского высокогорья (с. Кокадой, информатор И. Ваваригов, 1878 г.р.). случай компенсации в адате горных чеченцев. Если похищение девушки приводило к убийству, род убийцы выплачивал роду потерпевшего 63 коровы как штраф (*restitution*), что было эквивалентом двойного выкупа крови плюс дополнительный штраф за похищение девушки (там) 10 коров; плата коровами подчёркивает экономический аспект, где высокая стоимость служит *deterrent* (сдерживающим фактором) от преступлений, поскольку в горных условиях изыскание такого эквивалента (*equivalent value*) требовало значительных усилий и ресурсов, усиливая *preventive justice* (предупредительную юстицию). С позиции юридической антропологии это продолжение фактора правового плюрализма, где адат функционирует как неформальная юрисдикция, интегрируя компенсационные убытки и штрафные санкции для восстановления баланса: высокая плата коровами – не просто реституция (*restitution*), а *financial deterrent* (финансовый сдерживающий фактор), где экономическая нагрузка на род предотвращает идею конфликта, подчёркивая, что в горных сообществах коровы (выступают имуществом фонда обеспечивающего жизнедеятельность) – ценный капитал (*capital asset*), требующий трудоёмкой замены, что усиливает социальный контроль и минимизирует рецидив. Введение российской администрации создало двойную правовую реальность: формально – государственная монополия на насилие и суд (*state law*), фактически – сохранение адата как параллельной системы (*customary law*). Похищение девушки чаще представлялось как «брачная стратегия» с компенсацией, похищение замужней женщины – максимальное нарушение адата, почти всегда ведущее к мести.

Автор использует архивные материалы (протоколы судов, приговоры, рапорты) для реконструкции, показывая, как российская администрация пыталась интегрировать локальные нормы в государственную юрисдикцию. С позиции юридической антропологии это классический пример правового плюрализма, где адат сохраняет автономию как неформальная система, несмотря на формальное доминирование государственного права. Плиев подчёркивает, что адат не уничтожается, а адаптируется, создавая гибридные формы (*hybrid legal order*), где традиционные нормы (месть, компенсация) используются

для легитимации царской (российской) власти. Изменения с введением российской администрации: формальная криминализация традиций – введение Горских словесных судов (1860–1870-е) и Осетино-Ингушского суда присяжных (1907 г.) криминализировало адатные практики (кровная месть – как убийство, похищение невест – как принуждение).

Российская администрация пыталась заменить адат государственной монополией на насилие, но на практике суды учитывали «местные обычаи» (с. 62–63), взыскивая штрафы по адату (600 руб. за убийство, коллективная ответственность до третьего колена). Гибридные институты: Осетино-Ингушский суд – применял адатные нормы (штрафы, присяги, высылка) в рамках российского процесса (с. 63–64). Штрафы взыскивались с общества или фамилии/тайпа/тейпа (collective liability), что усиливало традиционную солидарность, но под контролем государства. Похищение девушки (с. 64–65): Степень ответственности ниже – по адату это часто брачная стратегия. Вариативность штрафов, штраф: 105 руб. калым + 3 барча (90 руб.) за оскорбление, если без согласия; при согласии – только барча, девушка лишается калыма. Российский суд смягчает (учитывает обычаи), но назначает каторгу или штраф. Похищение замужней женщины (с. 65–66): Степень ответственности выше – тяжкое преступление (crimen extraordinarium), равное убийству, влекущее кровную месть на весь род похитителя. Штраф: 100 руб. + каторга (8–15 лет), по адату – смерть или изгнание.

Анализ источниковой базы первой главы (стр. 68–73) с позиции юридической антропологии. Список источников на с. 68–73 – это библиографический аппарат, насчитывающий общее количество – 183 позиции (от ¹ до ¹⁸³), организованные как сноски со ссылками на текст главы. С позиции юридической антропологии база представляет собой солидный репозиторий для реконструкции правового плюрализма на Северном Кавказе: она сочетает теоретические работы (марксистские взгляды на родовой строй как «пережиток») с эмпирическими данными, показывая, как адат (customary law) взаимодействовал с российским правом. Это позволяет анализировать эволюцию норм от родового возмездия к гибридным системам, где традиция адаптируется к государственному контролю.

Количество и типы источников, как отмечено выше, всего: 183. Из них архивные: 28 (15 % – позиции со ссылками на фонды, описи, дела, листы; примеры: ЦГА РСФСР Ф.224, ГАРФ, архивы судов ЧИАССР и РСФСР, обкома КПСС). Это первичные документы (primary sources) – протоколы, приговоры, рапорты, отражающие реальную практику (praxis juris). Полевые (этнографические): 66 (36 % – «Полевые материалы автора» с указанием года сбора, селения, информатора и года рождения; примеры: информаторы Д.Д. Мальсагов 1898 г.р., Х.Д. Ошаев 1898 г.р.). Это – устные свидетельства долгожителей (причём очень авторитетных среди чеченцев и ингушей), ценны для реконструкции неписаного права. Опубликованные (научные, литературные, нормативные): 89 (49 % – книги, статьи, сборники, газеты; начинаются с Энгельса, включают Далгата, Ковалевского, Ахриева, Яковлева, Фарфоровского, Берже, Леонтовича). Это – теоретические и этнографические труды XIX–XX вв., нормативные акты (Уложение о наказаниях 1845 г.).

Анализ сведений, включенных в исследование с позиции юридической антропологии, безусловно определяет сильные стороны монографии А. А. Плиева: база – сбалансированная, с акцентом на эмпирику (полевые + архивные = 51%), что идеально для изучения: архивы показывают коллизии, полевые материалы – живую практику, опубликованные – теоретический фон (Энгельс для марксистской интерпретации «пережитков»). Это позволяет анализировать адаптацию адата в новом системно-правовом контексте – от автономии к гибридам. Методологическая ценность: триангуляция источников – теория (Энгельс, Косвен) + практика (архивы) + устная история (полевые) повышает достоверность. Уникальность – в полевых данных, компенсирующих утрату архивов в 1990-е гг. в Чечне, что делает базу, как выше отмечалось, архивным репозиторием для исследований обычного права.

Глава вторая монографии («Правовая культура чеченцев и ингушей», с. 74–114) целостно анализирует трансформацию адата чеченцев и ингушей под влиянием советской власти, фокусируясь на институте кровной мести как ключевом «пережитке» в условиях правового плюрализма.

А. А. Плиев описывает установление советской власти как процесс многоукладной экономики и социальной борьбы, где кровная месть – индикатор сопротивления (legal resistance). Антропологически это показывает, как ново-системный плюрализм эволюционирует в советский: создание государственности (автономной области, АССР (1920–1924)) – попытка интеграции адата в государственные институты, сильное влияние богословов подчёркивает параллельные юрисдикции (parallel jurisdiction), где адат остается императивным правом для разрешения конфликтов. Основные причины возникновения конфликтов – имущественные конфликты (кража скота, земельные споры), Примеры (убийство из-за кражи лошади 1922 г. (сел. Старые Атаги, Чечня), земельные конфликты 1923–1924 гг. (Большие Варанды и Малые Варанды, сел. Зандак и Бельты, Чечня)) иллюстрируют, как советская коллективизация усиливает старые мотивы, превращая их в классовую борьбу. Правила совершения мести (стр. 78): правила остаются традиционными – сроки гибкие (пример – 3 недели), объекты мести различаются (чеченцы – месть родственнику при отъезде убийцы; ингуши – возможное примирение). Антропологически это сегментарная система (segmentary opposition): правила – неписаный кодекс, где различия (с одной стороны ригидность, но и возможная – компромиссность) отражают региональную вариативность, но советская власть усиливает их эволюцию в скрытые формы, балансируя между возмездием и примирением для предотвращения эскалации. В целом, глава демонстрирует, как советский плюрализм трансформирует адат: от автономии к интеграции, но традиции выживают как инструмент социальной стабильности в условиях идеологического давления и традиционности общества.

Содержание главы посвящено исследованию изживания кровной мести и других пережитков в Чечено-Ингушской АССР в 1930–1940-е годы. Основной фокус А. А. Плиева смещается постепенно на деятельность примирительных комиссий в республике. Приводятся примеры идеологической пропаганды, некоторые примеры репрессивной политики и коллективизации обозначены как маркеры, влияющие на трансформации адата. Правовая коллаборация, где адатские нормы (старейшины, компенсация, публичное примирение) интегрируются в социалистическое право для борьбы с «пережитками», но традиции сохраняются в скрытых формах. Примирительные комиссии (с. 80–83): Создание комиссий (1928–1930-е, возобновление в 1950-е) – административно-правовой инструмент. Комиссии состояли из старейшин, партийных работников, представителей НКВД и духовенства. Они проводили публичные примирения (там/тоам): стороны приносили извинения, выплачивали компенсацию (пхъа, хъелам), подписывали протоколы, которые имели силу административного акта. Юридически – это досудебное урегулирование (pre-trial settlement), альтернативное УК РСФСР. Пример: в 1930-е гг. комиссии фиксировали 100–200 случаев вражды в год, решая их через примирение, снижая нагрузку на суды. Параллельное сосуществование пропаганды и репрессивной политики: пропаганда (лекции, печать, кино) – идеологическое давление на «пережитки». Репрессии 1937–1938 гг. (массовые аресты носителей адата) – репрессивное право (repressive law) для подавления традиций. Советская власть не уничтожает в 1920-е гг. полностью адат, постепенно вступая в борьбу на изъятие его или перевод в латентную зону присутствия, она создаёт комиссии (гибридные институты), где старейшины и партийцы совместно разрешают споры (примирительная комиссия прекратила работу в Чечне в 1929 г). Их появление позволяло легитимировать советскую власть в глазах горцев через традиционные нормы, снижая сопротивление и нагрузку на советское уголовное право в данном регионе.

Автор описывает создание и работу примирительной комиссии в Чечне (1924–1926 гг.) как административно-правовой институт для борьбы с кровной мстостью. С позиции юриспруденции это тот же, ранее отмеченный, гибридный механизм досудебного урегулирования споров (pre-trial settlement), интегрирующий элементы адата (обычного права) в советскую правовую систему, направленный на профилактику преступлений и укрепление государственного контроля над локальными нормами. В этой связи исследовательский интерес представляют три таблицы, включенные в монографию А. А. Плиева. Они несут множественную смысловую и содержательную нагрузку, требующую чтения и анализа.

Проанализируем таблицу 1. Количество дел, возбужденных в советских судах.

Статистические данные за 1928–1929 гг. позволяют выявить не только динамику общего числа возбужденных уголовных дел, но и структурную перестройку механизма их инициирования. В 1928 г. в советских судах было возбуждено 141 дело, в 1929 г. – 256 дел. Прирост составил 115 дел, или 81,6 %, что свидетельствует о резком усилении уголовно-правовой активности в рассматриваемый период.

Количественная структура инициирования дел. В 1928 г. ведущую роль играли общественные и СМИ (очевидно газетные, документальное кино), так источники СМИ – 49 дел (34,8 %); потерпевшие – 42 дела (29,8 %); посторонние лица – 14 дел (9,9 %); родственники потерпевших – 3 дела (2,1 %). Совокупно общественные источники обеспечили 66 дел или 46,8 % от общего числа. Государственные и партийные структуры инициировали значительно меньшую долю дел: представители власти – 28 дел (19,9 %); прокуратура – 4 дела (2,8 %); женотделы – 1 дело (0,7 %). Их совокупная доля составила 23,4%. В 1929 г. структура существенно изменилась при одновременном росте абсолютных показателей по всем категориям. Распределение выглядело следующим образом: потерпевшие – 69 дел (27 %); СМИ – 66 дел (25,8 %); представители власти – 51 дело (19,9 %); прокуратура – 29 дел (11,3 %); женотделы – 15 дел (5,9 %); посторонние лица – 17 дел (6,7 %); родственники потерпевших – 9 дел (3,4 %). Совокупная доля государственных институтов (представители власти, прокуратура, женотделы) увеличилась до 37,1 % (95 дел), тогда как доля общественных источников снизилась до 35,9 % (92 дела), несмотря на их абсолютный рост.

Структурные сдвиги: наиболее значимые изменения связаны с прокуратурой – рост с 2,8 % до 11,3 % (увеличение более чем в четыре раза по доле и более чем в семь раз по абсолютному числу дел). Женотделами – рост с 0,7 % до 5,9 % (восьмикратное увеличение доли). СМИ – увеличение числа дел (49 → 66), но снижение относительного удельного веса (34,8% → 25,8%). Потерпевшими – устойчиво высокая роль (около 27–30 %), что свидетельствует о сохранении индивидуальной инициативы в механизме правоприменения. Таким образом, при общем росте числа дел наблюдается перераспределение влияния в сторону государственных и партийных институтов.

Правовой и институциональный смысл динамики. Выявленные изменения отражают процесс институционализации советской уголовной политики конца 1920-х гг. Если в 1928 г. механизм возбуждения дел во многом опирался на общественные и резонансные каналы, то уже в 1929 г. усиливается централизованная роль прокуратуры и партийных структур. Это свидетельствует о расширении надзорной функции государства; усилении контроля над правоприменением; переходе от преимущественно реактивной модели (по инициативе потерпевших и СМИ) к более управляемой и институционально организованной системе уголовного преследования. Рост участия женотделов указывает на интеграцию социально-идеологических задач в сферу уголовной политики, что соответствует общему курсу на борьбу с традиционными социальными практиками и формирование новой нормативной среды.

Обобщающий вывод. Данные 1928–1929 гг. демонстрируют качественный перелом в структуре возбуждения уголовных дел: при почти двукратном увеличении их общего числа происходит перераспределение инициативы в пользу государственных и партийных

институтов. Если в 1928 г. преобладала общественно-резонансная модель инициирования, то в 1929 г. формируется централизованная модель с усиливающейся ролью прокуратуры и органов власти.

Таким образом, статистика отражает не только количественное расширение уголовной практики, но и институциональное укрепление советского государства в сфере уголовного преследования, что позволяет рассматривать 1929 г. как этап перехода к более системной и управляемой модели правоприменения.

А. А. Плиев также вводит в научный оборот обнаруженный им в Центральном государственном архиве Чечено-Ингушской АССР доклад А. Нажаева: приводятся данные из протокола заседания научных сотрудников этнолого-лингвистического отдела Чеченского научно-исследовательского института краеведения, состоявшегося 10 декабря 1931 г. Выдержки из текста доклада Нажаева от 10 декабря 1931 г. характеризуют заинтересованность научного сообщества в изучении правовой культуры чеченцев, с одной стороны, как идеологически подчинённую задачу социалистического строительства, с другой стороны – очевиден неподдельный интерес к сравнению адатов чеченцев с адатами других народов Северного Кавказа. Нажаев подчёркивает, что изучение обычного права горцев (адата) необходимо проводить с классовых позиций: оно рассматривается как пережиток феодализма, который нужно изживать через советскую пропаганду, коллективизацию и создание механизмов властного влияния. В этой связи были сделаны рекомендации по дальнейшему использованию доклада.

Ценное значение в работе имеет изучение деятельности примирительных комиссий. В Ингушетии она создается 22 сентября 1920 г. В ее создании принял активное участие Ю. Албогачиев. Комиссию возглавил первоначально С. Альдиев, позднее – Х. Альмурзиев. В 1924 г. примирительная комиссия создается в Чечне, ее состав 5 человек. Первое заседание – 11 ноября 1924 г. По данным Х.Д. Ошаева (член комиссии Чечни), за 1926–1929 гг. ликвидировано более 200 случаев кровной мести (меньше половины учтённых). «Справка о предварительных итогах работы примирительных комиссий по кровничеству в Чечено-Ингушской АССР» (1928–1929 гг.): кровная месть широко наблюдалась в Чечне, меньше в Ингушетии; примирено 463 человека. По данным Н.И. Дзедзиева (прокурор Горской АССР): с 1928 по 1929 гг. в Чечне зафиксировано лишь 3 случая кровной мести; похищений девушек – 23 в Ингушетии, 0 в Чечне, 3 в Осетии. Плиев отмечает относительность цифр – реальных случаев было больше, но они скрывались от властей. Общий результат: снижение учтённых случаев мести с 200+ в 1924 г. до 50–100 в 1930-е гг., но неполное изживание (всплеск после 1957 г.). В работе содержится значительный объём информации, полученной от информаторов и почерпнутой в архивах как по Чечне, так и по Ингушетии.

Отметим особо заслугу исследователя А. А. Плиева: в его научной работе, как и подobaет ученому и патриоту, нет задачи – показать лучше или «отрицательно подсветить» (как явно, так и завуалировано) ситуацию в Чечне или Ингушетии. Он не ориентирован на принцип – разъединить и выставить негативно одну из частей народа с едиными (одинаково) понятными терминами: нах, къам, мохк, да, нана, сий, яхь, бакъо, нийсо. В работе нет элемента разобщения, есть желание и профессиональное умение исследователя – показать объективно, достойно и уважительно ситуацию с правопониманием в двух составных частях единого организма – Чечено-Ингушетии.

Судя по географии населенных пунктов Чечни и Ингушетии, в которых А. А. Плиев за годы работы над монографией побывал в поисках материалов для исследования, можно считать, что исследователь и в чеченских, и в ингушских населенных пунктах находил встречное понимание и поддержку (можно предположить) его ценной и важной для науки истории государства и права деятельности.

Автор очень ответственно подошел к анализу тех или иных исследуемых событий, приведенных в монографии. Например, мы согласимся с ним в оценке работы партийных

районных и республиканских органов (при описании одного из примеров). Он справедливо отмечает, что некомпетентность разобраться в причинах и устранении последствий по земельному конфликту между представителями двух тайпов из-за одного небольшого участка на границе двух колхозов привела к его эскалации. Недальновидность и административная близорукость советского руководства порой приводили к длительному не разрешению подобных конфликтов [1, с. 108].

В целом, согласно ценным сведениям в монографии, мы имеем возможность считать, что профилактика местных властей и их контроль с широтой воздействия общественно-административного формата были в целом эффективными и одобряемыми, ввиду того, что основная цель – предотвращение эскалации кровной мести через принудительное примирение, чтобы избежать уголовных дел по УК РСФСР (ст. 58 о контрреволюции, если связывали с «кулацким саботажем») – была достижимой.

Видим также и специфическую модель латентного взаимоподчинения адата и государственного права: старейшины включались в комиссии для легитимации, но под контролем партии и НКВД, превращая добровольное адатское примирение в обязательный административный акт. Здесь же отметим и социально-политическую стабилизацию: снижение нагрузки на суды, укрепление советской власти в автономии через «народные» институты, наделяя их полномочиями делегированной власти.

Заключительная часть второй главы посвящена исследованию: традиционного примирения, примирительным комиссиям, действовавшим в 1930-1940 гг.; роли общественности и органов внутренних дел, прокуратуры в примиренческом процессе. Изучены ситуации в Урус-Мартановском и Ачхой-Мартановском районах (Чечня), Назрановском районе (Ингушетия). Приводится пример двойственного механизма урегулирования конфликтной ситуации: добровольное переселение в Чечне крупного родового контингента (19 семей) из населенного пункта совместного проживания с семьей убитого как добровольная самоизоляция с целью недопущения эскалации конфликта кровной мести, соблюдения традиционного неписанного процессуального этикета мести и одновременное подключение органов советской власти (носителей административного ресурса), активно стремящихся помирить враждующих. Упомянут факт окончания конфликта и примирения [1, с. 109].

С правовой точки зрения, разделы в заключительной части второй главы демонстрируют иерархию советской системы: партийные органы (Бюро обкома) имели надзорные полномочия над судебными и следственными (прокуратура, НКВД), что соответствовало Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 102–103, партийное руководство правосудием). Отмечены проблемы: медленное рассмотрение дел и «мягкие приговоры» – указывают на несоблюдение процессуальных норм УПК РСФСР 1923 г. (ст. 1–5 о быстром расследовании) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 139–140 о похищениях и принуждении к браку, ст. 142 о многожёнстве как тяжких преступлениях). Приводятся в качестве примера выдержки из постановления Бюро, предписывающего прокурору Бекмурзиеву обеспечить «быстрое прохождение» дел, что фактически вводило ускоренную процедуру для категории «пережитков». Возможно, здесь прослеживается существовавший партийный контроль над юстицией в целях усиления борьбы с «пережитками», но подчёркивается также неэффективность «мягких» приговоров, мотивируя ускорение процессов для идеологической унификации. Это отражает в некоторой степени политику латентного напряжения того периода между государственным (позитивным) правом и локальными традициями, что имеет значение для понимания эволюции автономного законодательства в РСФСР.

Глава заканчивается перечнем 117 постраничных ссылок. Анализ корпуса постраничных ссылок, охватывающего источники от публикаций до архивных дел, позволяет констатировать структурированную и методологически выверенную источниковую базу исследования (аналогично первой главе). Рассматриваемый блок характеризуется преобладанием архивных материалов (фонды ЦГА ЧИАССР и АОК ЧИАССР) с точным указанием фондов,

описей, дел и листов, что свидетельствует о работе автора с первичными документами и соблюдении требований научной источниковедческой точности.

Наряду с архивными документами системно привлекаются полевые материалы автора 1960-х гг., фиксирующие устные свидетельства информаторов. Это обеспечивает сочетание документального и этнографического подходов и позволяет реконструировать не только нормативные положения, но и реальные механизмы функционирования традиционных институтов. Дополнительный аналитический слой формируют публикации советской периодики (республиканская газета «Грозненский рабочий») 1920–1930-х гг., отражающие официальную интерпретацию практик кровной мести и примирения в условиях становления советской государственности.

Включение сравнительных материалов по другим народам Северного Кавказа (в том числе карачаевцам) расширяет региональный контекст исследования и придаёт анализу компаративный характер. В совокупности данный источниковый комплекс демонстрирует приоритет первичных материалов, междисциплинарный подход и стремление автора к реконструкции динамики правовой культуры в исторической перспективе.

В то же время методологический анализ показывает необходимость учитывать специфику используемых источников. Архивные документы советского периода неизбежно отражают административно-идеологическую оптику времени, что может влиять на интерпретацию традиционных институтов через призму государственной политики и борьбы с «пережитками прошлого».

Конечно мы понимаем, что периодическая печать 1920–1930-х гг. также носит выраженный нормативно-оценочный характер. Полевые материалы, в свою очередь, требуют критического подхода с учётом ретроспективности свидетельств и возможной трансформации коллективной памяти. Однако совокупное использование различных типов источников частично нивелирует данные ограничения и повышает степень достоверности реконструкции. Таким образом, рассматриваемый блок ссылок свидетельствует о комплексном, источниковедчески обоснованном характере исследования и формирует достаточную эмпирическую базу для научного анализа правовой культуры чеченцев и ингушей в её исторической динамике.

Глава третья («Правовая культура ингушей и чеченцев в 1950–1970-х годах», с. 115–142) для нас представляет повышенный историко-правовой интерес в силу ряда обстоятельств: хронологическая и пространственная структура периода – сравнительно недавнее советское время; содержание обобщающих итоговых сведений заключительного характера. Статистические данные обогащают и усиливают наполнение данной главы. Ссылаясь на справку о предварительных итогах работы примирительной комиссии по кровничеству в Чечено-Ингушской АССР / Материалы Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, А. А. Плиев приводит точную зафиксированную цифру числа кровников в 314 семей по состоянию на конец 1950-х гг. – начало 1960-х гг. В этой связи предпримем осуществить попытку характеристики таблицы 2. Количество преступлений за 1958–1965 гг.; таблицы 3. Анализ дел Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, 1958–1965 гг.

Таблица 2. Количество преступлений за 1958–1965 гг. Данная таблица отражает статистику зарегистрированных убийств в Чечено-Ингушетии за 1958–1965 гг., включая случаи, квалифицированные по мотиву кровной мести (ст. 136 ч. 1 УК РСФСР; позднее – ст. 102 УК РСФСР с выделением квалифицирующего признака).

Общие количественные показатели. За рассматриваемый восьмилетний период зарегистрировано: 289 убийств в целом; 19 убийств, совершённых по мотиву кровной мести. Среднегодовой показатель составляет: 36,1 убийства; 2,38 убийства по кровной мести. Удельный вес убийств по кровной мести в общей структуре убийств за весь период – 6,57 %.

Структурные особенности периода. Анализ позволяет выделить два этапа: I этап (1958–1963 гг.): 251 убийство в целом; 19 убийств по кровной мести; средний удельный вес – 7,6 %. II этап (1964–1965 гг.): 38 убийств в целом, 0 убийств по кровной мести. Отмечается резкое снижение общего числа убийств и отсутствие зарегистрированных случаев кровной мести.

Динамика общего уровня убийств. Сравнение крайних точек периода показывает: 1958 г. – 50 убийств; 1965 г. – 12 убийств. Снижение составляет 76 % за восемь лет. Пик общего числа убийств приходится на 1962 г. (51 случай), после чего наблюдается устойчивая нисходящая динамика. Юридино-криминологическая интерпретация: убийства по мотиву кровной мести не занимают доминирующего положения в структуре убийств, составляя в среднем 6–8 % в активной фазе периода. До 1963 г. фиксируется стабильность данного вида преступлений (2–4 случая ежегодно), что указывает на сохранение традиционного мотива в условиях советской уголовно-правовой системы. Отсутствие зарегистрированных случаев в 1964–1965 гг. может свидетельствовать либо о фактическом снижении данного вида преступлений, либо об изменении практики квалификации, либо о более эффективной профилактике и вмешательстве государственных и партийных органов.

Обобщающий вывод: статистика 1958–1965 гг. демонстрирует, что кровная месть в рассматриваемый период сохраняла устойчивое, но количественно ограниченное присутствие в структуре убийств. При среднем удельном весе 6,57 % она не являлась массовым явлением, однако выступала специфическим мотивом тяжких насильственных преступлений. После 1963 г. наблюдается полное исчезновение данного квалифицирующего признака в официальной статистике, что указывает на существенную трансформацию правоприменительной практики или социально-правовой среды к середине 1960-х гг.

Таблица 3. Анализ дел Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, 1958–1965 гг. Она охватывает 12 уголовных дел, рассмотренных Верховным судом Чечено-Ингушской АССР в указанный период. Материал позволяет проследить особенности квалификации и назначения наказания по делам, связанным с актами кровной мести.

Гендерная характеристика субъектов: во всех 12 случаях субъектами вторичного преступления (кровной мести) выступают мужчины. По характеру родственной связи распределение выглядит следующим образом: сын – 4 случая; брат – 2 случая; участник (участники) конфликта – 6 случаев. Таким образом, таблица подтверждает, что реализация кровной мести сохраняла мужской характер и была связана с родовой ответственностью по линии ближайших родственников либо участников первичного конфликта.

Распределение по санкциям. По итогам судебного рассмотрения установлено следующее распределение максимальных санкций по делам: расстрел – 1 дело (8,3 %); лишение свободы на срок 15 лет – 4 дела (33,3 %); лишение свободы на срок 10 лет – 3 дела (25%); лишение свободы на срок 8 лет – 1 дело (8,3 %); наказания менее 8 лет (включая 6, 5, 3 года и 1 год лишения свободы) – 3 дела (25 %). В двух из дел зафиксирован групповой приговор с различными сроками наказания для соучастников (10 лет; 8 лет; 6 лет); (10 лет; 5 лет; 3 года; 3 года; 1 год). В другом деле указано 12 лет. Наиболее распространённой санкцией является лишение свободы на срок 15 лет, что свидетельствует о тенденции к назначению длительных сроков изоляции. Высшая мера наказания – расстрел – применена лишь в одном случае.

Временной интервал между первичным преступлением и мстью. Интервал между первичным преступлением и актом кровной мести варьируется от нескольких часов до 20 лет. Это позволяет выделить две модели поведения: немедленная месть (в пределах суток); отсроченная месть, реализованная спустя годы и даже десятилетия.

Из 12 дел в таблице: 4 дела (33,3 %) – первичным преступлением являлось убийство; 6 дел (50 %) – первичным преступлением являлась драка (включая ссоры с применением насилия); 2 дела (16,7%) – иные конфликтные основания (обида, имущественный спор).

Таким образом, в половине случаев кровная месть являлась продолжением бытовых конфликтов, переросших в насилие, тогда как в трети случаев – реакцией на ранее совершённое убийство близкого родственника.

Примирительные механизмы. Во всех указанных в таблице 12 делах примирение по адату не состоялось; также отсутствуют случаи примирения по инициативе партийных органов. Данные обстоятельства указывают на переход конфликта в сферу исключительно уголовно-правового реагирования. Материалы «Таблица 3» [1, с. 118–119] демонстрируют, что в 1958–1965 гг. Верховный суд Чечено-Ингушской АССР по делам о кровной мести преимущественно назначал длительные сроки лишения свободы при ограниченном применении высшей меры наказания. Судебная практика характеризуется отсутствием примирительных процедур и значительной вариативностью временных интервалов между первичным преступлением и актом мести. Эти данные отражают функционирование уголовно-правового механизма в условиях сохранявшихся традиционных форм родовой ответственности.

А. А. Плиев отмечает, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в чечено-ингушском обществе сохранялось параллельное функционирование адатских механизмов примирения и советской судебной системы, что отражало состояние нормативного дуализма на региональном уровне Чечено-Ингушской АССР. Адатские посредники продолжали определять в качестве основной меры урегулирования выплату значительных компенсаций, размер которых, по данным партийных органов, в Ингушетии достигал 2500 руб., что фактически вело к экономическому разорению семьи виновного и усиливало социальное напряжение. Несмотря на судебное осуждение виновных, стороны нередко прибегали к традиционному примирению, однако оно не всегда предотвращало повторные акты кровной мести, что свидетельствует о снижении регулятивной эффективности адата. Негативное отношение партийных и советских органов к адатским практикам сочеталось с их фактическим сохранением в общественной жизни региона, что указывает на переходный характер правовой культуры Северного Кавказа в рассматриваемый период [1, с. 122–123].

Советские примирительные комиссии как модель управляемой трансформации адатского посредничества. В марте–апреле 1960 г. в Чечено-Ингушской АССР была институционально оформлена система Республиканской и районных примирительных комиссий: 13 апреля 1960 г. Бюро обкома КПСС одобрило создание Республиканской комиссии при Президиуме Верховного Совета ЧИАССР. К этому моменту было выявлено 314 межfamilьных конфликтов; к ноябрю 1960 г. – примирено 157, а по состоянию на 1 июля 1964 г. – 424 (на 1 января 1965 г. – 470), что подтверждает масштаб и системность кампании. Публичные сходы стали ключевым инструментом «советского посредничества». 19 марта 1960 г. в сел. Экажево (Ингушетия) и 18 апреля 1960 г. в сел. Сурхахи (Ингушетия) были приняты решения о прекращении кровной вражды и отказе от выплаты тоам (компенсации) с одновременным объявлением бойкота несогласным и обращением к государству с требованием применять строгие меры вплоть до высшей меры наказания (расстрел). 27 апреля 1960 г. в сел. Гойты (Чечня) постановлено ликвидировать кровную месть и передавать отказников органам власти для лишения права проживания с конфискацией имущества. 30 августа 1960 г. в сел. Автуры (Чечня) предложены к закреплению дополнительные санкции: снятие с работы, лишение приусадебного участка, запрет выпаса частного скота на землях совместного хозяйства, ходатайство о выселении и требование назначения расстрела независимо от обстоятельств убийства. В Ингушетии 5 мая 1960 г. в сел. Насыр-Корт за один день примирены 28 семей, 20 мая 1960 г. в сел. Кантышево – 20 семей; в Назрановском районе (Ингушетия) в мае 1960 г. на массовом митинге (около 1500 чел.) также проведены публичные примирения.

Принципиальное отличие новой модели от адатной состояло в отказе от компенсационного механизма и переносе санкционного центра на государство: частная месть замещалась требованием государственного наказания, включая расстрел. Одновременно применялись меры социального давления (бойкот, угрозы выселения и имущественные

ограничения), что свидетельствует о гибридном характере регулирования – соединении традиционных форм коллективного воздействия с инструментами советской административной власти. Введение с 1 января 1961 г. нового УК РСФСР (гл. XI о «пережитках местных обычаев», включенная в Особенную часть) юридически закрепило курс на уголовно-правовое пресечение кровной мести и завершило институционализацию «советского посредничества» как элемента региональной политики модернизации правовой культуры.

На основании анализа данного раздела из работы А. А. Плиева считаем важным отметить: республиканская и районные примирительные комиссии действовали на всей территории Чечено-Ингушской АССР, охватывая как чеченские, так и ингушские районы, что обеспечивало единый институциональный механизм урегулирования кровной вражды в рамках автономии. Учрежденные решениями высших органов республиканской власти и функционировавшие под партийным контролем, они представляли собой форму публично-правового посредничества, а не локальную общественную инициативу. Их деятельность способствовала унификации правоприменения и включению традиционных норм в систему советского уголовно-правового регулирования, укрепляя государственную монополию на разрешение конфликтов и применение санкций.

Для академической науки повышенное значение имеют все разделы монографии А. А. Плиева (и особенно заключительный, посвященный советскому суду и кровной мести). Мы же сделаем обобщающий анализ, согласно которому выделим важное. Судебная практика Чечено-Ингушской АССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. демонстрирует формирование устойчивой линии уголовно-правовой квалификации кровной мести как самостоятельногоотягчающего признака умышленного убийства. Применение ст. 102 п. «к» УК РСФСР 1960 г. (а ранее – ст. 136 «Преступления, составляющие пережитки родового быта», входила в УК РСФСР 1926 г.) свидетельствует о законодательном закреплении повышенной общественной опасности данного мотива и об институциональном отказе от его культурно-объяснительной интерпретации. Суды последовательно исходили из приоритета публичного уголовного преследования над адатским урегулированием. Факт примирения сторон, выплата компенсации либо ссылки на «снятие позора» (насмешки) не признавались обстоятельствами, устраняющими противоправность или вину. Тем самым утверждался принцип нормативного верховенства государственного закона и исключалась возможность конкуренции обычного права с уголовным законодательством. Назначение высшей меры наказания по ряду дел, а также последующая коррекция приговоров Верховным Судом РСФСР и Президиумом Верховного Совета РСФСР демонстрируют функционирование многоуровневого механизма судебного контроля и централизацию уголовной политики.

Одновременно анализ дел показывает трансформацию самой традиционной нормы – нарушение адатских ограничителей (убийство не непосредственного виновника, вовлечение третьих лиц, несоблюдение примирения) фиксирует эрозию классической модели родовой ответственности. В этой ситуации советский суд выступал не только карательным органом, но и инструментом нормативной модернизации, переводя частную форму возмездия в сферу публичной репрессии. Введение с 1 января 1961 г. нового УК РСФСР с главой «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» окончательно институционализировало данную линию. Кровная месть была квалифицирована как проявление общественно опасного пережитка, подлежащего безусловному уголовному пресечению. Тем самым судебная практика Чечено-Ингушской АССР рассматриваемого периода свидетельствует о последовательном утверждении монополии государства на применение санкций, унификации правоприменения и вытеснении традиционных форм конфликторазрешения из сферы юридически значимого поведения. Судебная деятельность выступала инструментом правовой интеграции региона и элементом общей политики унификации правоприменения в масштабах РСФСР, обеспечивая институциональное вытеснение адатской модели возмездия публичной уголовно-правовой репрессией.

Концовка монографии посвящена институту сватовства («Похищение невест и выплата калыма»). Автор исследовал чеченскую и ингушскую модели сватовства в 1960–1970-е гг., выделив некоторые различия прежде всего по субъекту инициативы и структуре брачной процедуры. У чеченцев преобладала форма брака, основанная на предварительном согласии молодых людей, реализуемая через ритуализированную процессию (зуда йоссаяр), которая внешне напоминала похищение, но по сути являлась согласованным действием. Родители, как правило, включались в процесс на стадии согласования имущественных условий, прежде всего размера там. У ингушей же брак заключался преимущественно через институт сватовства, где решающую роль играли семьи и посредники, а согласие родителей предшествовало окончательному оформлению брака. Определенным отличием выступал имущественно-правовой режим выплат: у чеченцев они различались (там и урдо), тогда как у ингушей существовала единая выплата (урдуб), полностью переходившая в собственность невесты. В чеченской практике имущество, приобретенное на средства (там), чаще интегрировалось в хозяйство мужа, тогда как у ингушей калым имел более выраженную гарантийную функцию в интересах женщины. Таким образом, чеченская модель характеризовалась большей ролью личного выбора и договорного начала при сохранении традиционной формы, тогда как ингушская – большей формализованностью и доминированием родового согласования. Обе системы при этом демонстрируют адаптацию обычая к новым социальным условиям без утраты его нормативной значимости и являются общим достоянием правовой культуры.

Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы. М.: Наука, 2016. 160 с.» представляет собой исследование, в котором правовая культура рассматривается как исторически изменяющаяся система нормативных практик, а не как совокупность этнографических особенностей.

Автору удалось реконструировать институт кровной мести в его внутренней логике как механизм социальной регуляции, включавший санкции, процедуры примирения, посредничество и имущественную компенсацию. Тем самым кровная месть показана не как правовой рудимент, а как структурированный элемент традиционного правопорядка.

Заключение

Научная значимость работы заключается в выявлении механизма трансформации обычного права в условиях смены государственно-правовых режимов. А. А. Плиев демонстрирует, что взаимодействие адата и государственного законодательства носило не характер прямого вытеснения, а форму нормативного перераспределения компетенций: часть функций (примирение, посредничество) была институционализована советской властью, тогда как санкционная сфера окончательно перешла под контроль государства. Это позволяет говорить о постепенной монополизации публичного принуждения при сохранении культурных оснований правосознания. Вклад в историко-правовую науку состоит в том, что исследование опирается на архивные судебные материалы, нормативные источники и полевые данные, соединяя юридический анализ с антропологическим изменением. Такая методологическая композиция позволяет проследить эволюцию правовых институтов не декларативно, а на уровне конкретной правоприменительной практики.

Для юридической антропологии работа значима тем, что фиксирует устойчивость категорий чести, коллективной ответственности и посредничества даже в условиях модернизированного уголовного законодательства.

Плиев показывает, что правовая культура чеченцев и ингушей в XX веке не была сломана внешним давлением, а подверглась внутренней перестройке, адаптируясь к новым институциональным формам. Именно в этом заключается оригинальность монографии: она раскрывает не «конфликт традиции и государства», а сложную модель правовой трансформации, в которой обычай и закон взаимодействуют, возможно местами конкурируют

и взаимно изменяются. Это придаёт работе устойчивое место в дискурсе историко-правовых и антропологических исследований Северного Кавказа.

Анализ представленного общего списка литературы свидетельствует о фундаментальном и многослойном характере источниковой базы монографии А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей». Библиография охватывает широкий хронологический диапазон – от дореформенных этнографических и правовых исследований XIX в. до современных работ по юридической антропологии и правовому плюрализму начала XXI в. Такое построение источникового корпуса позволяет автору рассматривать правовую культуру не статично, а в исторической динамике. В библиографии отмечается сочетание различных типов источников: дореволюционные этнографические описания (Берже, Ковалевский, Харузин, Потто и др.), советские нормативные акты (несколько редакций УК РСФСР), стенографические отчёты съездов и партийные материалы, диссертационные исследования, а также современные теоретические работы по обычному праву и правовому плюрализму. Это обеспечивает междисциплинарную глубину исследования и позволяет соединить нормативный анализ с антропологическим подходом.

Особое значение имеет включение архивных и нормативных источников (протоколы съездов, тексты УК различных редакций), что придаёт исследованию юридическую строгость и позволяет проследить институционализацию борьбы с кровной мстью на уровне государственного права. Одновременно привлечение классических трудов по родовому быту и обычному праву (Ковалевский, Косвен, Морган, Энгельс) формирует теоретическую рамку для осмысления традиционных институтов.

В структуре библиографии представлены 8 самостоятельных публикаций А. А. Плиева и одна работа в соавторстве, что свидетельствует о многолетней и последовательной разработке автором проблематики кровной мести, примирительных комиссий, брачно-семейных норм и трансформации адата в советский период. Это придаёт монографии концептуальную целостность и подтверждает её опору на ранее апробированные научные результаты.

В целом источниковая база отличается хронологической глубиной, тематической репрезентативностью и методологической многослойностью. Она позволяет автору выйти за рамки описательной этнографии и предложить историко-правовую реконструкцию трансформации традиционных институтов в условиях смены государственно-правовых режимов. Таким образом, библиография монографии является её существенным научным достоинством и обеспечивает высокий уровень аргументации и аналитической достоверности исследования.

Монография обогащена глоссарием, он включает 45 терминов, из которых 26 (более половины) обозначены как общие для чеченского и ингушского языков. Это количественное преобладание общей для чеченцев и ингушей терминологии свидетельствует о глубокой историко-культурной общности их правовых представлений в сфере регулирования кровной мести, примирения и компенсации вреда. При этом 12 терминов имеют исключительно ингушскую фиксацию, а 7 – чеченскую, что отражает локальные вариации внутри единой правовой традиции. Терминология в большей степени детализирует процедурные и санкционные аспекты: этикет кровников, формы прекращения вражды, специальные случаи, некоторые термины чаще связаны с брачно-имущественными институтами и социальным статусом участников конфликта.

Структура глоссария подтверждает, что автор рассматривает правовую культуру чеченцев и ингушей не как разрозненные этнические системы, а как единое нормативное пространство с региональными модификациями. Терминологический анализ показывает, что базовые категории – кровь (*пхьа*), примирение (*тоам*), медиаторский суд (*кхел*), вражда (*дов*, *члур*) – имеют общий характер, что указывает на единство фундаментальных правовых принципов. Таким образом, глоссарий выполняет не только справочную функцию, но и может выступать показателем концепции автора о структурной целостности правовой

культуры чеченцев и ингушей при сохранении внутренней вариативности. Его количественный и лингвистический состав усиливает аргументацию монографии и придаёт исследованию дополнительную научную обоснованность.

На различных исторических отрезках времени вклад в исследование обычного права, социального строя, суда, правосудия и правовой культуры чеченцев и ингушей внесли, а также продолжают вносить ныне, чеченские и ингушские исследователи, представители различных научных отраслей, объединяемые стремлением исследовать перечисленные вопросы. Среди исследователей отметим: Абдурашидова Э. Д. [2], Албогачиеву М. С.-Г. [3], Арсанукаеву М. С. [4], Ахмадова Ш. Б. [5], Ахриева Ч. Э. [6], Гандарову Л. Б. [7], Гантемирову Ф. А. [8], Кодзоева Н. Д. [9], Кокурхаева К.-С. А.-К. [10], Махмудову К. З. [11], Мамакаева М. М. [12], Ошаева Х. Д. [13], Тесаева З. А. [14], Харсиева Б. М.-Г. [15].

Одно из ключевых мест среди трудов отмеченных авторов, в нашем понимании масштаба и содержания исследования представляющая насыщенным источниковедческим и образцовым методологическим эталоном, занимает работа Абдурахима Ахмедовича Плиева. Несмотря на ее разработку во второй половине XX столетия, она представляет повышенный интерес в настоящем столетии, в связи с чем закономерно стала предметом столь детального исследования в настоящей статье. Вполне обоснованным будет обозначить и научную заслугу Албогачиевой М. С.-Г. и Бабич И. Л. [16], которые стали авторами как самостоятельных исследований, посвященных вопросам исследования правовой культуры чеченцев и ингушей, так и соавторами в ряде совместных исследований [17].

Говоря в целом о вкладе различных исследователей, считаем возможным подчеркнуть: несмотря на различие исследовательских стратегий и теоретических оснований, работы указанных выше авторов объединяет единая научная направленность – анализ исторической динамики общественной организации и правовой культуры чеченцев и ингушей. Их исследования не строятся на принципе полемического опровержения друг друга, а ориентированы на последовательное накопление знаний и выработку обобщающих объяснительных моделей. В контексте юридической антропологии правовое наследие чеченцев и ингушей рассматривается ими как форма нормативной регуляции, укоренённая в социальной структуре, системе родства, религиозных представлениях и механизмах общественного контроля. Такой подход позволяет раскрыть специфику функционирования традиционного права и проследить его преобразование в условиях включения в государственно-правовое пространство.

Ценный этнографический вклад в изучение данных вопросов на протяжении всей своей жизни своим ответственным трудом, старательностью вносил выдающийся исследователь Сайд-Магомед Адамович Хасиев [18]. Его научные труды являются кладью научной информации и требуют масштабного продолжения в интересах современной юридической антропологии. В 60-е – 70-е гг. XX столетия появились исследования, посвященные чеченскому адату и древнему чеченскому суду Мехк-кхел [19], которые находят свои ретроспективные отражения в настоящем столетии. Кстати, эта связь прослеживается в работе как А. А. Плиева, так и в исследовании З. А. Тесаева. Первый отмечает: люди, выбранные старцами для решения этого вопроса, поехали в Майстинское общество (Чечня), которое славилось знатоками и блюстителями адата, чтобы найти там «путь к примирению» – тоам бе никь [1, с. 35]. У второго исследователя в монографическом исследовании этому посвящен параграф «Дай-Кхел» в Майсте [14, с. 52–55].

И таких аналогий прошлого и настоящего немало. Достаточно обратиться для сравнения отдельных позиций в проанализированной нами работе с изданием под авторством Г. А. Ткачева, введенным в научный оборот в 1911 г. [20]. Оно также представляет существенный вклад в юридическую антропологию. Согласимся с исследовательской взглядом на проблему историко-правовых исследований, высказанную авторитетным отечественным специалистом в области права В. С. Горбанем. Он отмечает, что литература по теории права должна чувствовать и отражать проблему универсальных знаний и национального

языка, фундаментальных корней и истоков, из которых складывается портрет теории права, её средства выразительности, композиционная структура и содержание [21, с. 65].

Современные исследователи юридической антропологии Северного Кавказа во многом должны быть благодарны известному отечественному исследователю и зачинателю глобального проекта «Правовой мир Кавказа» – доктору юридических наук, профессору Д. Ю. Шапсугову [22]. Его научная позиция на протяжении десятилетий неизменна: в последовательном стремлении и практическом участии показать уникальность правовой культуры Северного Кавказа. Масштабная работа, осуществляемая им по сохранению и развитию в новом ключе юридической антропологии, выражена в самых разнообразных научных проектах: конференциях, сборниках, многотомных изданиях, реализованных за последние годы на базе Южно-Российского института управления Президентской академии. Эта неустанная деятельность, реализуемая с единомышленниками, непоколебимо укрепила позиции региональных исследователей, обративших своими трудами интерес на вопросы обычного права, правосудия и правовой культуры народов России, что имеет огромное значение в целом для всей историко-правовой науки.

Таким образом, монография А. А. Плиева обладает значительным источниковедческим и методологическим потенциалом и занимает устойчивое место в современном дискурсе историко-правовых и юридико-антропологических исследований Северного Кавказа. Работа демонстрирует, что правовая культура чеченцев и ингушей в XX веке развивалась не по модели простого вытеснения традиционных норм государственным правом, а по более сложной траектории нормативной трансформации и институциональной адаптации. Представленное исследование вносит существенный вклад в изучение механизмов взаимодействия адата и позитивного права и может рассматриваться как научно значимый ориентир для дальнейших исследований в области юридической антропологии, истории права и кавказоведения.

Список источников

1. Плиев А. А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880-1970 годы. М.: Наука, 2016. 160 с. ISBN: 978-5-02-039984-6. EDN: YKVMJSJ.
2. Абдурашидов Э. Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. Грозный: «Грозненский рабочий», 2010. 223 с. ISBN: 978-5-900231-69-3. EDN: QRXGIT.
3. Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л., Плиев А. А. Этнополитические аспекты правовой культуры народов Северного Кавказа: исторические корни и современность / отв. ред. И. Л. Бабич. М.: Директ-Медиа, 2022. 248 с. ISBN 978-5-4499-3304-1.
4. Арсанукаева М. С. Правовая культура чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.). М.: Российская правовая академия Минюста РФ, 2009. 198 с. ISBN: 978-5-89172-174-6. EDN: QRLOVF.
5. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX вв.: очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства. Элиста: АПП "Джангар", 2002. 528 с. ISBN: 5-94587-072-3. EDN: UMUCWX.
6. Ахриев Ч. Э. Ингуши (историко-этнографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 1–46.
7. Гандарова Л. Б. Обычное право ингушей: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 177 с. EDN: NNJBOT.
8. Гантемирова Ф. А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1972. 24 с.
9. Кодзоев Н. Д. История развития судебной системы Ингушетии. М.: Компания "ДинаЛ": ТПК "Центробланк", 2006. 354 с. ISBN: 5-91303-001-X. EDN: PFKXCQ.
10. Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX в.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. 112 с.

11. Махмудова К. З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII - первой половине XIX в. М., 2012. 256 с. ISBN: 978-5-4326-0034-9. EDN: QPXRCV.
12. Мамакаев М. М. Чеченский тейп (род) и его правовые институты // Труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1962. Вып. 6. С. 45–78.
13. Ошаев Х. Д. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928. 26 с.
14. Тесаев З. А. Мехк-Дай. Народные правители Чечни. (XVI – первая четверть XVIII в.). Грозный, 2019. 432 с.
15. Харсиев Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 24 с. EDN: NHKHHZ.
16. Бабич И. Л. История кровной мести у ингушей и чеченцев (1870-1960-е годы) // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 42-57. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.2550>. EDN: YVOAMB.
17. Плиев А. А., Бабич И. Л. Примирительные комиссии на Северном Кавказе: 1930-е годы – сравнительный анализ (1920–1930-е гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 29–40. EDN: PJTKPO.
18. Гортикова М. Философ в этнографии – Саид-Магомед Хасиев // Вести Республики. 2012. № 134 (1817). Режим обращения URL: <http://vesti095.ru/2012/07/438769/> (дата обращения: 20.12.2025).
19. Саидов И. М. Мехк-кхел – совет страны у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси: "Мещниерба", 1968. Вып. II. С. 199–206.
20. Ткачев Г. А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. 156 с.
21. Горбань В. С. Анализ историографической проблематики философско-правовых исследований и формирования современной правовой теории / Сборник научных трудов второй Международной конференции «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 15 апреля 2025 г.) в 2-т. Т. 1 / под общ. ред. А. Н. Савенкова, В. С. Горбаня. М.: ИГП РАН, 2025. 400 с.
22. Шапсугов Д. Ю. Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 9–18. EDN: HKRRIN.

References

1. Pliev A.A. *Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880-1970*. Moscow: Nauka; 2016. 160 p. ISBN: 978-5-02-039984-6. EDN: YKVMSJ. (In Russ.).
2. Abdurashidov E.D. *Chechen-Russian, Russian-Chechen dictionary of legal terms*. Grozny; 2010. 223 p. ISBN: 978-5-900231-69-3. EDN: QRXGIT. (In Russ.).
3. Albogachieva M.S.-G., Babich I.L., Pliev A.A. *Ethnopolitical aspects of the legal culture of the peoples of the North Caucasus: historical roots and modernity*. Ed. by I. L. Babich. Moscow: Direct-Media; 2022. 248 p. ISBN 978-5-4499-3304-1. (In Russ.).
4. Arsanukayeva M.S. *The legal culture of Chechens and Ingush (XIX – early XX century)*. Moscow: Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation; 2009. 198 p. ISBN: 978-5-89172-174-6. EDN: QRLOVF. (In Russ.).
5. Akhmadov Sh.B. *Chechnya and Ingushetia in the XVIII – early XIX centuries: essays on socio-economic development and socio-political structure*. Elista: "Jangar"; 2002. 528 p. ISBN: 5-94587-072-3. EDN: UMUCWX. (In Russ.).
6. Akhriev C.E. Ingush (historical and ethnographic essay). In: *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis; 1875. Issue 8. P. 1-46. (In Russ.).
7. Gandarova L.B. *Customary law of the Ingush*: dis. ... Cand. Sci. (Law). Saint Petersburg; 2004. 177 p. EDN: NNJBOT. (In Russ.).
8. Gantemirova F.A. *Socio-political system and customary law of Chechens and Ingush (XVIII – the first half of the XIX century)*: abstract of the dissertation. ... Cand. Sci. (History). Grozny; 1972. 24 p. (In Russ.).
9. Kodzoev N.D. *The history of the development of the judicial system of Ingushetia*. Moscow: The company "DinaL": ТПК "CentrobLank"; 2006. 354 p. ISBN: 5-91303-001-X. EDN: PFKXCQ. (In Russ.).

10. Kokurkhaev K.-S.A.-K. *Socio-political system and the law of Chechens and Ingush (the second half of the 19th – early 20th centuries)*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House; 1989. 112 p. (In Russ.).
11. Makhmudova K.Z. *Historical and ethnocultural development of Chechens and Ingush in the XVIII - first half of the XIX century*. Moscow; 2012. 256 p. ISBN: 978-5-4326-0034-9. EDN: QPXRCV. (In Russ.).
12. Mamakaev M.M. The Chechen teip (genus) and its legal institutions. *Proceedings of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature*. Grozny; 1962. Vol. 6. P. 45–78. (In Russ.).
13. Oshaev H.D. *An essay on the beginning of the revolutionary movement in Chechnya*. Grozny; 1928. 26 p. (In Russ.).
14. Tesaev Z.A. *Mekhk-Dai. The people's rulers of Chechnya. (XVI – the first quarter of the XVIII century.)*. Grozny; 2019. 432 p. (In Russ.).
15. Kharsiev B.M.-G. *Ingush adats as a phenomenon of legal culture: abstract of the dissertation of the Cand. Sci. (Philology)*. Rostov-on-Don; 2003. 24 p. EDN: NHKHHZ. (In Russ.).
16. Babich I.L. The history of blood feud among the Ingush and Chechens (1870-1960-ies). *Legal Studies*. 2018;(3):42–57. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.2550>. EDN: YVOAMB. (In Russ.).
17. Pliev A.A., Babich I.L. Reconciliation commissions in the North Caucasus: the 1930s – a comparative analysis (1920-1930s). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(2);29–40. EDN: PJTKPO. (In Russ.).
18. Gortikova M. The philosopher in ethnography – Said-Magomed Khasiev. In: *Vesti Respubliki*. 2012; 134 (1817). Available from: <http://vesti095.ru/2012/07/438769/> (Accessed: 12/20/2025). (In Russ.).
19. Saidov I.M. Mekhk-khel – the council of the country among the Nakhs in the past. In: *Caucasian ethnographic collection*. Tbilisi: Meshchnierba; 1968. Issue II. P. 199–206. (In Russ.).
20. Tkachev G.A. *Ingush and Chechens in the family of nationalities of the Tersk region*. Vladikavkaz; 1911. 156 p. (In Russ.).
21. Gorban V.S. Analysis of the historiographical problems of philosophical and legal research and the formation of modern legal theory. In: *Collection of scientific papers of the Second International Conference "Historiographical problems and approaches in modern legal research"* (Moscow, April 15, 2025) in 2 volumes. Vol. 1. Under the general editorship of A. N. Savenkov, V. S. Gorban'. Moscow: IGP RAS; 2025. 400 p. (In Russ.).
22. Shapsugov D. Yu. Legal culture of nations of the Caucasus as a creative synthesis of the interaction of civilizations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):9–18. EDN: HKRRIN. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Information about the author

D. Kh. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 10.03.2026.